

КАК БОЛЬШЕВИКИ ОВЛАДЕЛИ ГОСБАНКОМ

А. М. ГИНДИН

Большой ошибкой Парижской коммуны было то, что она не овладела Эмиссионным Французским банком. Большевицкая партия, руководимая великим Лениным, в Октябрьские дни 1917 г. учла этот печальный опыт коммунаров. В первый же день революции Государственный банк был захвачен вооруженной силой восставшего народа. В середине ноября¹ Советская власть взяла управление Государственным банком в свои руки. Это было большой победой рабочего класса России, его большевицкой партии.

Однако взять управление Госбанком в свои руки было для Советской власти делом нелегким. Вспоминая о том, как большевики завоевывали различные министерства в октябре 1917 г., Н. К. Крупская писала, что на защиту продовольствия, финансов банков «направляла свои главные силы буржуазия; тут особенно злостно был организован саботаж, с одной стороны, с другой — тут у нас было меньше всего опыта, практического знания дела»². Государственный и частные банки принадлежали к такому аппарату, о котором Ленин говорил, что его после пролетарской революции разбивать нельзя и не надо. «От него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»³.

---

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 337.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 81.

Как проходила сложная борьба большевиков за овладение Госбанком? До сих пор в печати, к сожалению, этот вопрос не освещен. В отдельных же работах, где он затрагивается, допущены серьезные ошибки при оценке событий и документов, имеется много неточностей. Очень важно поэтому восстановить истинную картину.

* * *

Ночью 25 октября комиссар Военно-революционного комитета Гвардейского флотского экипажа получил от комитета предписание № 1372 за подписью председателя ВРК Н. Подвойского и секретаря В. Антонова занять главную контору Государственного банка на Екатерининском канале к 6 ч. утра.

Предписание было выполнено точно. В 6 ч. к зданию банка подошел отряд моряков гвардейского флотского экипажа (около 40 человек) во главе со своим комиссаром. Войдя на территорию банка без сопротивления со стороны охраны⁴, отряд расставил свои караулы во всех пунктах у входов и выходов, у кладовых, у городских телефонов и т. д. В банке была установлена двойная охрана⁵. Днем пришли комиссар Морозов и прапорщик Голомбиевский, назначенный исполнять обязанности первого революционного коменданта Госбанка.

Заправи́лы банка распорядились прекратить занятия. Чиновники стали собираться на летучие митинги по отделам и обсуждать положение. Около полудня начали закрываться все частные акционерные банки Петрограда.

Около 3 ч. дня в Министерство финансов (Мойка, 43) пришел Вячеслав Рудольфович Менжинский — член партии с 1902 г., один из закаленных представителей ленинской гвардии. Менжинский заявил, что он, как временный комиссар Военно-революционного комитета уполномочен заведовать этим министерством.

26 октября банкиры решили обеспечить всех чиновников трехмесячным содержанием, при условии полного неучастия их в какой бы то ни было государственной и административной работе под руководством Советской власти. В тот же день служащие Министерства финансов, Госбанка, Экспедиции заготовления государственных бумаг, Казначейства по призыву образовавшегося стачечного комитета объявили забастовку в знак протеста против появления комиссаров.

Вечером Военно-революционный комитет обратился ко всем служащим Экспедиции заготовления государственных бумаг и Госбанка с предложением не прерывать своих обычных занятий. «Внесение хаоса и дезорганизации в работу в революционное время, — говорилось в воззвании, — совершенно недопустимо. Всякое нарушение революционного порядка будет сурово караться»⁶.

Но предупреждение Военно-революционного комитета не возымело действия. 27 октября служащие Госбанка продолжали забастовку, и он был закрыт для публики. Комиссаров поддержала только часть низших служащих — курьеры, служители, счетчики.

По решению Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков, тесно связанного с руководителями Госбанка, 27 октября банки открылись на один час (с 12 до 1 ч. дня)⁷. Никто об этом не знал. Представители заводов, фабрик, учреждений приходили, как обычно, к утру за деньгами (конец месяца — получка). Двери банков были закрыты. Не зная, когда банк откроется, люди уходили. Рабочие ряда предприятий остались без зарплаты.

Подрывная деятельность банков направлялась контрреволюционными центрами. Центры эти расположились близко от Госбанка — не больше 5 минут ходу — в здании Городской думы. Думу возглавляли тогда кадеты, правые эсеры и меньшевики. Здесь в ночь на 26 октября был организован контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». В процессе борьбы с Советской властью Городская дума и «Комитет спасения» особенно зорко следили за Госбанком, пытались сделать его своим орудием и не дать большевикам поставить его на службу революции. Продержаться, не дать

⁴ Банк охранялся местной командой, в которую входило 125 человек. При Временном правительстве она была усилена взводом солдат Семеновского полка.

⁵ «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 333—335, 337—342.

⁶ «Правда», 9.XI (27.X) 1917 г.

⁷ «Бюллетени Комитета съездов представителей акц. коммерч. банков», № 9—10, Пг., 1917, стр. 49.

большевикам овладеть Госбанком, не допустить выдачи денег на нужды Советского правительства, задерживать неотложные платежи, вызывая недовольство у масс против комиссаров Военно-революционного комитета,— такова была тактика банковских руководителей, направляемых «Комитетом спасения» и Городской думой.

28 октября, в субботу, банки вновь открылись только на один час. Так же, как и накануне, огромная масса предприятий не получила денег для зарплаты.

В эти дни, 27 и 28 октября, «Комитет спасения» готовил восстание юнкеров, которое должно было поддержать изнутри наступающие на Питер казачьи банды Керенского и Краснова. Революционный Питер переживал тревожные дни. Солдаты, красногвардейцы, матросы двинулись к Пулкову для отпора войскам Краснова. На борьбу с врагом ушел и отряд моряков, находившийся в банке. Там осталась прежняя охрана⁸. Банкиры, члены «Комитета спасения», Городской думы, меньшевистско-эсеровские руководители Банктруда и Кредиттруда⁹ возлагали надежды на поход Керенского и всем, чем можно, старались поддержать его.

30 октября по решению банкиров весь день банки были закрыты для публики.

Вечером Советское правительство вынесло постановление за подписью Ленина и Менжинского¹⁰ об открытии банков: «Рабочее и Крестьянское правительство,— говорилось в нем,— предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы, с 10 час. утра до 2 с половиной часов дня.

В случае, если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правлений банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временного заместителя народного комиссара по Министерству финансов»¹¹.

Вечером 31 октября на заседании Петроградского Совета тов. Менжинский сообщил депутатам о положении в банках (характерно, что в эти напряженные дни, когда под Пулковым шли решающие бои за революцию, Петроградский Совет обсуждал и вопрос о положении в банках,— настолько он волновал рабочих). Тов. Менжинский объяснил, какие трудности создает саботаж банковских чиновников, и сказал, что после постановления Совнаркома частные банки приоткрыли 31 октября двери на один час. Выступление Менжинского 1 ноября было опубликовано в печати¹².

Руководители банковских саботажников, еще не зная о провале наступления Керенского, с часу на час ожидали прихода его войск. Утром 1 ноября Центральное правление Кредиттруда собралось в своей резиденции (Невский, 46, квартира 19) и в ответ на выступление Менжинского постановило: прекратить 1 ноября всякие операции и занятия служащих во всех частных кредитных учреждениях Петрограда, но «по просьбе Министерства финансов и директора Государственного банка» было решено в этих учреждениях со 2 ноября работать как обычно¹³.

Почему же саботажники, не признавая власти Совнаркома, удовлетворили просьбу Министерства финансов и директора Госбанка? Потому, что и банкиры, и действовавшие с ними в контакте заправила Госбанка, и руководящие чиновники Министерства финансов были заинтересованы в выкачке средств из Госбанка, пока комиссары еще полностью не овладели его аппаратом, не вмешивались в финансовые операции и не могли строго контролировать, куда идут деньги.

Министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий был арестован вместе с другими министрами в Зимнем Дворце и сидел в Петропавловской крепости, а товарищи министра А. Г. Хрущев, М. И. Фридман, С. А. Шателен, В. В. Кузьминский и директора разных канцелярий находились в министерстве. Указания, кому отпускать кредиты, им давало подпольное Временное правительство, обособившееся в доме № 39 на Бассейной улице, где жил А. А. Демьянов — товарищ министра юстиции Временного правительства. Незадолго до Октябрьской революции он был утвержден председателем Малого Совета министров. Ежедневно с 1 до 4 ч. в его квар-

⁸ «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 333—334.

⁹ Профсоюзные организации служащих Госбанка и частных банков.

¹⁰ Тов. Менжинский был назначен 30 октября временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов, так как утвержденный Съездом Советов нарком финансов И. И. Скворцов-Степанов находился в Москве.

¹¹ «Декреты Советской власти», М., 1957, стр. 30—31.

¹² «Правда», 14 (1) ноября 1917 г.

¹³ ГАОР и СС ЛО, ф. 5001, оп. 2, д. 2, л. 31. Это постановление было напечатано 2 ноября в газете «Новая жизнь».

тире подпольно заседал «Совет министров»¹⁴. Вначале на нем присутствовали только товарищи министров, а вскоре и министры, после их освобождения из крепости¹⁵. Этот «Совет» был тесно связан с Городской думой, с «Комитетом спасения», с Союзом союзов (профсоюзная организация всех государственных служащих).

На одном из первых заседаний шел разговор об отношении чиновников министерств к советским комиссарам. На заседание «Совета министров» пришли представители от Союза союзов, которые доложили свою программу саботажа. Она была одобрена. Решено было не давать комиссарам ключей ни от столов, ни от денежных ящиков.

Почти каждое заседание на Бассейной улице начиналось с того, что товарищ министра финансов Фридман докладывал о положении дел в Госбанке. Подпольное «правительство» выкачало из Госбанка 40 млн. руб. и до последней минуты судорожно цеплялось за Госбанк и Казначейство, принимая все меры, чтобы сохранить их в своих руках¹⁶.

1 ноября частные банки не работали. В этот же день состоялось собрание служащих Госбанка и заседание профсоюзного центра — Совета уполномоченных. Было решено со 2 ноября начать занятия, но в случае активного вмешательства комиссаров во внутреннюю жизнь кредитных учреждений объявить (присоединяясь к постановлению Центрального правления Кредиттруда от 31 октября) забастовку всех служащих.

* * *

Прошло семь дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Совету Народных Комиссаров требовались деньги, но ни одной копейки из банка, из Казначейства он не мог получить.

В. Р. Менжинский попробовал путем уговоров и нажима на руководителей Министерства финансов заставить их оформить документы для получения денег на нужды Совнаркома. 4 ноября были препровождены в Смольный пять руководящих работников Министерства финансов, в том числе три товарища министра: М. И. Фридман, С. А. Шателен и В. В. Кузьминский. Все трое отказались выполнить требования Менжинского. Тогда он попытался воздействовать на управляющего Госбанком И. П. Шипова, чтобы заставить его оформить деньги для Советского правительства. В тот же день Шипова арестовали и привезли в Смольный. Шипов также отказался выдать деньги, сославшись на формальную сторону.

5 ноября меньшевистско-эсеровский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов принял резолюцию, в которой «от имени крестьянства» призывал воинские части оказывать сопротивление Совнаркому, если он попытается посягнуть на государственную казну¹⁷.

Утром 6 ноября Городская дума постановила образовать под председательством городского головы комиссию из 20 гласных для охраны ценностей, находящихся в Госбанке, и обратиться с воззванием к войскам гарнизона охранять Госбанк. Об этом сообщила газета «Новая жизнь» 7 ноября.

Распоясаться эсеро-меньшевикам помогли в эти дни действия штрейкбрехеров революции Каменева и Зиновьева, а также позиция Рыкова, Милютина и Ногина, вышедших из состава ЦК и несогласных с его ленинским руководством. Ленину пришлось вести большую работу по сплочиванию партийных сил вокруг большевистского Центрального Комитета.

В эти напряженные дни ЦК и Совнарком не имели возможности заняться подбором кадров, более или менее подготовленных для быстрого овладения всем сложным аппаратом Госбанка. Народный комиссариат финансов состоял по существу из одного тов. Менжинского.

Не добившись результатов в переговорах с товарищами министра и Шиповым, В. Р. Менжинский сделал попытку получить деньги непосредственно в Госбанке. В по-

¹⁴ Все сведения о работе подпольного Временного правительства взяты из статей: М. Ф л е е р. Временное правительство после Октября, «Красный архив», 1924, т. 6; А. Д е м ь я н о в. Записки о подпольном Временном правительстве, «Архив русской революции», Берлин, 1922, т. VII.

¹⁵ Все министры-социалисты к 28 октября были освобождены.

¹⁶ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 204—208.

¹⁷ «День», 8 ноября 1917 г.

недельник 6 ноября к концу дня Менжинский предъявил руководителям банка письменное требование от имени Советского правительства о выдаче 10 млн. руб., необходимых Совнаркому для неотложных нужд. Он потребовал, чтобы эта сумма была переведена на текущий счет Совета Народных Комиссаров. Руководители Госбанка принялись доказывать, как это делал Шипов в Смольном, что Совнарком не юридическое лицо, что такие ассигновки нужно оформлять через Казначейство и т. д. Тогда от имени Военно-революционного комитета Менжинский попросил собрать служащих, решив обратиться к ним за содействием.

Руководители саботажа послали гонца в Городскую думу. Прибежавший в думу чиновник, запыхавшись, сообщил, что в Госбанке находится советский комиссар, который хочет взломать его хранилище. Председатель думы Исаев и несколько гласных тотчас же отправились в банк.

На собрании служащих тов. Менжинский разъяснил, что правительству необходимы средства для общегосударственных целей, что нуждается в средствах и ЦИК — орган, избранный съездом Советов, что Советское правительство будет отчитываться перед народом в расходовании денег и отчеты будут печататься в газетах. Исаев не замедлил тут же выразить протест от имени думы. Он демагогически призывал охрану и рабочих¹⁸ не допускать расхищения денег Госбанка. Выступил также меньшевистски настроенный рабочий. Ссылаясь на поведение Каменева и Зиновьева, он заявил, что среди самих большевиков происходит раскол, у власти находится небольшая группа лиц и денег давать нельзя. Сбитые с толку представители охраны тоже возражали против выдачи денег. Менжинский разоблачил контрреволюционную деятельность Городской думы и отверг протест Исаева, но, учитывая настроенные массы, сказал, что против воли рабочих и солдат он не пойдет и никаких насильственных изъятий средств производить не будет.

Вечером Совет Госбанка под председательством Шипова¹⁹ вынес решение о том, что «требование о выдаче каких-либо сумм Совету Народных Комиссаров, как не основанное на законе, Совет не считает себя в праве удовлетворить; равным образом Совет не находит возможным открыть текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, как учреждения, не пользующегося правами юридического лица»²⁰.

Приход Менжинского в Госбанк 6 ноября был своего рода разведкой во вражеском стане. Становилось ясно, что одними уговорами и даже угрозами делу не поможешь. Большевики убеждались, насколько прав был Ленин, когда 4 ноября на заседании Петроградского Совета говорил: «Наш недостаток в том, что советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»²¹.

В сложившейся обстановке возникла необходимость при помощи вооруженной силы Петроградского гарнизона заставить чиновников Госбанка подчиниться воле пролетарской власти. Но в руководство этой операцией вмешался Троцкий и сорвал все дело. Как это произошло? В Смольном 7 ноября утром было созвано гарнизонное собрание, на котором обсуждалось положение в Госбанке. По предложению Троцкого, было решено выделить от каждой части отряд и с музыкой произвести перед банком демонстрацию представителей воинских частей, подчеркнув этим, что гарнизон поддерживает Советское правительство в его требовании. Один из офицеров был уполномочен предложить директорам выдать 10 млн. для Совнаркома. В случае отказа заправила банка должны быть арестованы, а ключи от касс взяты силой.

Вся эта операция, проводившаяся 7 ноября под руководством Троцкого, не дала никаких положительных результатов. Организована она была наспех, без должной подготовки и была только на внешний эффект. Вместо предъявления руководителям банка хотя бы элементарно оформленного документа на получение денег, от имени Совнаркома зачитывалось криливо написанное обращение с призывом «к гражданину директору», «гражданину главному кассиру» и другим выдать деньги для нужд правительства²².

¹⁸ На собрание были вызваны представители рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг.

¹⁹ Шипов 5 ноября был освобожден из-под ареста.

²⁰ «Красная летопись», 1926, № 2 (17), стр. 45.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 261.

²² Это обращение (в основу которого легла речь Троцкого на гарнизонном собрании) было опубликовано на завтра в газете «День»; оно имеется также в ЦГАОР и СС,

Вопреки указанию Ленина, Троцкий превратил эту вооруженную демонстрацию в сплошное митингование, причем руководство им поручил левому эсеру Муравьеву, который в этот день открыто выразил свое несогласие с политической линией ленинского руководства.

«Этот «парад»,— писал в своих воспоминаниях В. В. Оболенский (Н. Осинский),— привел только к тому, что даже низшие служащие и банковский караул, поддерживавшие Советскую власть, выступили с протестом, боясь, что банк будет разграблен»²³.

* * *

Общая политическая обстановка в стране становилась все благоприятнее. В Москве была одержана окончательная победа. Отовсюду приходили известия о триумфе Советской власти, на ее сторону переходили одна за другой воинские части на фронте. Партия осудила трусливых дезертиров из ЦК и Совнаркома и сплотилась вокруг Ленина и ленинского руководства ЦК. 8 ноября утром ЦК вынес решение об отстранении Каменева от председательства во ВЦИК. Вечером на заседании ВЦИК его председателем был избран закаленный ленинец Я. М. Свердлов.

На этом же заседании В. Р. Менжинский докладывал о сопротивлении чиновников Госбанка, не желающих выдавать деньги Советскому правительству и пытающихся прикрыться тем, что на получение денег нет санкции ВЦИК как законодательного органа. И ВЦИК сказал свое веское слово. Единогласно была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка. ВЦИК призвал всех служащих, верных делу народа, оказать Советской власти всестороннее

ф. 1236, оп. 1, д. 12, л. 184. Его не только не дали на подпись В. И. Ленину как Председателю Совнаркома, но забыли даже своевременно получить подпись Менжинского.

Неправы составители сборника «Донесения комиссаров Петроградского ВРК» (М., 1957, отв. сост. С. И. Шульга), датирующие это обращение 10 ноября и помещающие его под заголовком «Обращение комиссара Государственного банка В. В. Оболенского к служащим Госбанка, рабочим и солдатам о немедленном возобновлении работы и выдаче денег Совету Народных Комиссаров» (стр. 302). Никакого отношения к этому документу Оболенский не имел. Он только 13 ноября был назначен комиссаром банка и впервые появился там 14 ноября. Время его назначения также указано в сборнике неправильно (стр. 67).

Без должной критической оценки к этому обращению подошла и М. С. Атлас — автор книги «Национализация банков в СССР», М., 1948.

²³ Н. Осинский. Как мы овладели Государственным банком. «Экономическая жизнь», 6 ноября 1918 г.

Исказил правду А. Хохряков, бывший в то время председателем полкового комитета Вольнского полка, который в своих воспоминаниях — «Красная летопись», 1926, № 2(7) — эту неудачную операцию описывал как чуть ли не победу. Правильнее было бы автору признаться, что он и сам вместе с Муравьевым стал на позиции заправил банка, поднявших шум вокруг формальных упущений, связанных с получением денег. Составители сборника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Л. 1956) С. П. Князев и А. П. Константинов некритически отнеслись к этим воспоминаниям, сделав в них сокращения лишь тех мест, где Хохряков славословил Троцкого. Да и сама личность А. Хохрякова не внушает к себе никакого политического доверия. (См. ЦГАОР и СС, ф. 349, оп. 1, д. 26, лл. 9, 25, д. 24, лл. 34—37; ЦГВИА, ф. 21, оп. 1, д. 120, лл. 14, 55, а также «Голос Солдата», 2, 4 и 14 июля 1917 г.).

Без всякого основания Е. А. Султанова, автор 3 главы книги «Петроградские большевики в Октябрьской революции» (Л., 1957) дважды называет Хохрякова большевиком (стр. 306, 309). Она говорит о его большевистской деятельности в сентябре 1917 г., как раз в то время, когда он боролся с большевиками, работая в следственной комиссии прокурора судебной палаты.

Б. Ривкин в своей книге «Финансовая политика в период Октябрьской революции» (М., 1957), приняв за основу только воспоминания Хохрякова, идет еще дальше автора и рассматривает события 7 ноября как революционный акт, как захват Государственного банка. Однако всем известно, что Госбанк был захвачен 25 октября 1917 г., а 7 ноября все отряды, участвовавшие в «параде», были уведены Муравьевым, даже не войдя на территорию банка, и там осталась прежняя охрана.

Неправильная оценка этого события дана и в книге З. В. Атлас «Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925)» (М., 1940). Автор делает совершенно неверный вывод: «Госбанк был захвачен 20 (по ст. стилю 7) ноября 1917 г.» (стр. 17). Такая же ошибка допущена и в сборнике «Коммунистическая партия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1958).

содействие в деле обеспечения государственной работы необходимыми денежными средствами²⁴.

Тем самым ВЦИК выполнил постановление Центрального Комитета партии, принятое утром того же дня²⁵.

10 ноября ЦК направил Менжинскому в качестве заместителя Александра Ефремовича Аксельрода, члена партии с 1902 г., работавшего в прошлом в банковской системе. Он стал во главе Кредитной канцелярии. 11 ноября за отказ признать власть Совета Народных Комиссаров были уволены с занимаемых должностей без права на пенсию следующие лица: товарищи министра финансов А. Г. Хрущев, М. И. Фридман, С. А. Шателен, В. В. Кузьминский, директор департамента Государственного казначейства Г. Д. Дементьев, управляющий Госбанком И. П. Шипов, управляющий Главным казначейством Н. С. Петин, директор Кредитной канцелярии К. Е. Замен, директор Общей канцелярии В. К. Скворцов²⁶.

Был составлен приказ по Министерству финансов, в котором говорилось, что все служащие и чиновники, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, считаются уволенными со службы без сохранения права на пенсию. Служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиниться Советской власти, обязывались в понедельник приступить к занятиям. Приказ был подписан замнаркомом по Министерству финансов В. Менжинским и секретарем Совнаркома Н. Горбуновым²⁷.

Этот ультиматум Менжинский и Аксельрод решили предъявить 11 ноября лично. В 2 ч. дня вместе с представителем Военно-революционного комитета Н. И. Подвойским они пришли в Госбанк. Среди членов Совета и директоров банка произошел раскол. Часть высказалась за подчинение «насилию». Другая часть заявила, что лучше подать в отставку, чем подчиниться. При голосовании 18 голосов оказалось за подчинение, а 11 — против. Тогда представители Комитета служащих внесли предложение созвать в понедельник, 13 ноября, собрание служащих и на нем обсудить вопрос о приказе. Подвойский и Менжинский согласились подождать с ответом до понедельника 6 ч. вечера. Однако они предупредили членов Совета и директоров, что если те не подпишут приказа о подчинении, то будут уволены, так же как Шипов.

Этот день был началом перелома. Руководители Госбанка почувствовали, что приходит конец их бесконтрольному хозяйничанию. Но они еще продолжали выполнять распоряжения руководителей прежних министерств: 11 ноября Башкиров из министерства продовольствия распорядился о переводе председателю Акмолинской продовольственной управы 10 млн. руб. и затем еще 5 млн. Заместитель управляющего Госбанком Голубев тут же перевел по назначению 15 млн. руб.²⁸

Вечером по предложению Менжинского Совнарком назначил управляющим Госбанком С. С. Пестковского — комиссара, который захватывал телеграф²⁹.

13 ноября в отделах Госбанка состоялись собрания. Курьеры, охрана, вахтеры, дворники подписались под резолюцией о подчинении. Высшие чиновники приняли решение «подчиниться насилию»; большинство остальных чиновников подписалось под резолюцией о непризнании власти Совнаркома и неподчинении ей³⁰. К 5 ч. Менжинский, Пестковский и Подвойский пришли в банк. Менжинский решительно потребовал от высших чинов банка добросовестно работать и выполнять все распоряжения нового управляющего. Началась перепалка. По коридорам толпились возбужденные чиновники.

Стало ясно, что предстоит серьезная борьба с банковской верхушкой, со злостным саботажем сотен людей в аппарате. И Пестковский заколебался. Вернувшись в Смоль-

²⁴ «Декреты Советской власти», стр. 57.

²⁵ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», М., 1958, стр. 146.

²⁶ Под рубрикой «Приказы по Министерству финансов» в «Известиях» от 12 ноября было опубликовано 9 постановлений (об увольнении каждого в отдельности). Под каждым из них стоят подписи: Председателя Совнаркома В. Ульянова (Ленина), зам. наркомфина В. Менжинского, секретаря Совнаркома Н. Горбунова.

²⁷ «Правда», 25 (12) ноября 1917 г.

²⁸ ГАОР и СС ЛО, ф. 1289, оп. 12, д. 11, лл. 308—310.

²⁹ Подробно об этом см. воспоминания С. Пестковского «Об Октябрьских днях в Питере», «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 99—100.

³⁰ «День», 14 ноября 1917 г.

ный, он стал просить Менжинского освободить его от непосильного бремени. Вместо Пестковского Совнарком назначил комиссаром Госбанка со всеми правами управляющего вызванного из Москвы Валериана Валериановича Оболенского (Осинского), члена партии с 1907 г., опытного экономиста³¹. Чтобы помочь т. Оболенскому в борьбе с саботажниками, Ленин в тот же день дал следующее указание: «Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по Банку, должны быть арестованы»³².

Совнарком принял также декрет, устраняющий всякие формальные рогатки со стороны банковских чиновников для получения 25 млн. руб.³³. В этом документе все сделано по форме. Указано, что декрет принят по представлению Наркомфина, отмечено, что необходимо деньги снять с текущего счета Департамента Государственного казначейства. Наконец, есть ссылка на постановление законодательного органа — ЦИК.

14 ноября Менжинский представил директорам Госбанка нового комиссара Оболенского. В 3 ч. началось общее собрание чиновников. Присутствовало свыше 1000 человек. Руководители саботажа решили превратить собрание в политическую демонстрацию против Советской власти, воспрепятствовать получению денег для Совнаркома, не дать большевикам овладеть Госбанком. На собрание явились вождь партии народных социалистов Н. В. Чайковский как представитель «Комитета спасения», представители Союза союзов и различных министерств³⁴. Саботажники приняли резолюцию, в которой говорилось, что они отказываются подчиняться комиссарам и объявляют трехдневную забастовку с тем, чтобы в течение этого времени совместно с представителями Городской думы, комитетом Союза союзов и «Комитетом спасения» попытаться «изыскать пути к обеспечению нормальной работы Государственного банка, без признания власти захватчиков»³⁵.

В ответ тов. Оболенский издал следующее распоряжение по Госбанку: «По дошедшим до меня сведениям, часть служащих Государственного банка решила 15 ноября не явиться на занятия в банк. Предлагаю всем служащим явиться 15 ноября на занятия. Неявившиеся до 12-ти часов дня, будут уволены со службы и лишены пенсии. Военнообязанные будут сняты с учета и переданы в распоряжение воинских начальников.

Директоры отделов и их помощники, как лица наиболее ответственные за непрерывное течение работы банка, в случае неявки будут, согласно решению Совета Народных Комиссаров, подвергнуты аресту и препровождены в Кронштадт.

Требую от всех служащих немедленного подчинения всем постановлениям Совета Народных Комиссаров и моим распоряжениям под угрозой применения вышеуказанных взысканий»³⁶.

* * *

Активные действия большевиков вызвали отчаянное сопротивление саботажников, которые решили организовать выступление в общепетроградском масштабе. Вечером 14 ноября комитет Союза союзов принял резолюцию, призывавшую служащих всех государственных учреждений в Петрограде поддержать чиновников Госбанка демонстративной забастовкой-протестом 16 и 17 ноября. К трехдневной забастовке в знак солидарности призывали служащих всех частных банков и руководители Кредиттруда³⁷. 15, 16 и 17 ноября все частные банки были закрыты. 15 ноября вечером, в конце первого дня забастовки, стачечный комитет Госбанка вынес решение продолжать забастовку «впредь до изменения создавшегося положения»³⁸.

³¹ Тов. Пестковский всего 3 дня был управляющим Госбанка. О его освобождении не успели предупредить редакцию «Известий». В газете 14 ноября появились оба декрета о назначении — и Оболенского, и Пестковского.

³² «Декреты Советской власти», стр. 540.

³³ Этот декрет был подписан Председателем Совнаркома В. Ульяновым (Лениным), тремя наркоманами и управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и опубликован в «Известиях» от 14 ноября.

³⁴ «День», 15 ноября 1917 г.

³⁵ ГАОР и СС ЛО, ф. 5001, оп. 2, д. 1, л. 16.

³⁶ «Известия», 15 ноября 1917 г.

³⁷ «День», 15 ноября 1917 г.

³⁸ «Наша речь», 17 ноября 1917 г.

На Бассейной улице Фридман 13, 14 и 15 ноября регулярно докладывал о положении в банке и Казначействе «Совету министров». Присутствовавший здесь 14 ноября представитель от служащих Министерства финансов уверял собрание, что «настроение среди служащих вообще твердо», однако состояние у членов «правительства» стало подавленным. Прокопович заявил, что поскольку Госбанк занят большевиками, хозяйственно-административная деятельность подпольного правительства прекращается. Подполье уже мало что давало, и Прокопович предложил активно и открыто вмешаться в события, обратившись к стране с воззванием. Это воззвание, подписанное министрами и их заместителями, участвовавшими в подпольных собраниях, было опубликовано 17 ноября в газете «Наша речь» и в некоторых других антисоветских газетах. Оно призывало не подчиняться Советской власти и сплотиться вокруг Учредительного собрания.

Удержать Государственный банк в своих руках до открытия Учредительного собрания, которое предполагалось 28 ноября, также входило в планы кадетской партии — руководящей силы контрреволюции. Помочь в этом, по их расчетам, могла всеобщая забастовка: финансовых кадров у большевиков нет, оформить документы без служащих они не сумеют, распоряжения Совнаркома выполнять будет некому, дело затянется, а там — спасительное Учредительное собрание. Но саботажники и их контрреволюционные руководители просчитались. Партия и правительство повели против них решительную борьбу.

На заседании Совнаркома 15 ноября обсуждался вопрос о роспуске Петроградской городской думы; было решено ее распустить и назначить новые выборы, 20 ноября она была разогнана и помещение ее занято.

Газеты «Речь» и «День», где печатались антисоветские воззвания, закрывались. В Смольном начала энергично работать Особая следственная комиссия, выяснявшая связи саботажников с контрреволюционными центрами. Началась мобилизация рабочих, солдат, знающих бухгалтерию и конторское дело. Их направляли на работу в министерство вместо саботажников. ЦК партии (секретарем ЦК был тогда Я. М. Свердлов, который хорошо знал большевистские кадры) непрерывно посылал в министерство, Госбанк, Казначейство преданных коммунистов, способных возглавлять отделы и бороться с саботажем. В. В. Оболенский попросил Военно-революционный комитет прислать ему 25 ордеров на арест наиболее видных саботажников³⁹.

Ленин требовал от комиссаров банка быстрее принять меры к получению денег и, прежде всего, немедленно овладеть ключами от кладовых⁴⁰. Вместе с тем он им оперативно помогал. 15 ноября В. И. Ленин обратился в Военно-морской революционный комитет со следующим требованием:

«Уважаемые товарищи!

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому⁴¹. Они должны были помогать Оболенскому арестовывать наиболее злостных саботажников.

Военно-революционный комитет установил должность специального комиссара по охране Госбанка. Этим комиссаром был назначен тов. Петров⁴².

Приведенный первым 15 ноября под конвоем главный кассир Железнов отказался выдать ключи от кассы. Вскоре привели заведующего кладовыми Троицкого. Тот заявил, что ключи от кладовых он может выдать только директору Отдела кредитных билетов Г. Я. Пржигодскому. Привели Пржигодского. В конце концов все восемь ключей были переданы, но, «с согласия сторон», был составлен акт. Подписали акт комиссар, директор и счетчики. Он был на завтра полностью напечатан в «Правде»⁴³.

Поздним вечером ключи от банковских кладовых были привезены в Смольный и торжественно высланы на стол перед В. И. Лениным из замшевого мешка, в ко-

³⁹ И. П. Любимов. Революция 1917 г. Хроника событий, т. VI, М., 1930, стр. 150.

⁴⁰ «Экономическая жизнь», 6 ноября 1918 г.

⁴¹ «Декреты Советской власти», стр. 541.

⁴² ЦГАОР и СС, ф. 336, оп. 1, д. 5, лл. 116, 117.

⁴³ «Правда», 29(16) ноября 1917 г.

тором они хранились. Но Ленин не удовлетворился этим первым шагом и потребовал от комиссаров уже не ключей, а денег⁴⁴.

16 ноября Менжинский и Оболенский с утра организовали при помощи счетчиков проверку кладовых. Была точно установлена сумма находившихся там денег. Нужно было теперь заставить работать чиновников важнейших отделов — главной кассы, кредитного отдела, бухгалтерии, отдела текущих счетов. Бойцы охраны с ордерами тов. Петрова направлялись на квартиры саботажников. Таким образом было вызвано свыше 20 человек. К концу дня выяснилось, что кладовые и главная касса могут начать выдачу денег. Сложнее было с оформлением этих выдач по бухгалтерским книгам. Здесь «спецы» из числа саботажников особо сопротивлялись, убежденные, что в бухгалтерских делах большевики не разберутся.

Между тем от рабочих заводов, от провинциальных отделений Госбанка, от военного ведомства, производственных учреждений поступали требования на деньги, которые следовало немедленно удовлетворить. Надо было все что бы то ни стало получить деньги и для нужд Совнаркома. И выход был найден.

17 ноября на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина был принят декрет, в котором говорилось: «В виде временной и исключительной меры сроком не более чем на три дня, считая день подписания декрета, производить из кассы Петроградской конторы банка уплату по правильно заполненным, имеющим силу документам, предъявляемым: а) казенными и общественными учреждениями, б) торгово-промышленными предприятиями, коим средства нужны для выдачи заработной платы рабочим, не проводя, до восстановления всех операций банка, таких выдач по книгам конторы и замещающей в оборотной кассе документами соответствующее количество денежных знаков»⁴⁵.

Ленин настойчиво требовал от Оболенского немедленно доставить в Смольный в счет 25-миллионного аванса 5 млн. руб. 17 ноября деньги были доставлены⁴⁶. Как это произошло, подробно рассказывает в своих воспоминаниях Н. Горбунов, бывший тогда секретарем Совнаркома⁴⁷. Он пишет, что после подсчета денег в Госбанке они вдвоем с Оболенским набили мешки деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль. Далее автор продолжает:

«Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Ильича не было. В ожидании Владимира Ильича я сел на мешки с револьвером в руках. Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового».

Вечером в тот же день Менжинский вместе с Оболенским, Бонч-Бруевичем и Горбуновым вскрыли все мешки, составили и подписали акт о том, какие купюры и на какую сумму в каждом из них находились. Этот подробный акт, так же как и акт о приеме ключей в Госбанке, был напечатан в «Правде» через день, 19 ноября 1917 г.

Опубликование этих документов в «Правде» помогло большевикам противодействовать буржуазной печати, которая на все лады трубила о том, что большевики грабят банк. 21 ноября по указанию и за подписью Ленина и Менжинского было издано постановление об организации финансового отдела при Совнаркоме, представлявшее собой подробную инструкцию о хранении и расходовании денег, полученных Совнаркомом⁴⁸. Заведующим финансовым отделом был утвержден В. Д. Бонч-Бруевич. По

⁴⁴ «Экономическая жизнь», 6 ноября 1918 г.

⁴⁵ «Декреты Советской власти», стр. 104.

⁴⁶ В «Истории гражданской войны в СССР» (т. 2, М., 1947) допущена неточность, когда речь идет о деньгах для Совнаркома. Там написано: «Для того чтобы получить по требованию Совета Народных Комиссаров из Государственного банка 10 миллионов рублей, понадобилось арестовать директора банка Шипова и пригрозить чиновникам Красной Гвардией» (стр. 539). Все это было не так просто. После ареста Шипова потребовалось еще 13 дней борьбы, и не его однодневный арест сыграл решающую роль в получении денег. Получено же было не 10, а 5 млн. руб.

⁴⁷ «Правда», 6—7 ноября 1927 г.

⁴⁸ «Декреты Советской власти», стр. 120—121.

воспоминаниям современников, он очень осторожно тратил первые 5 млн. руб., так что они довольно долго продержались. Более или менее крупные расходы из этой суммы санкционировались на заседаниях Совнаркома. Бывали случаи, когда из пяти-миллионного фонда Совнаркома финансовая комиссия, созданная ЦИК, по настоянию Ленина оказывала помощь в выдаче зарплаты рабочим отдельных предприятий⁴⁹.

Итак, 17 ноября начала функционировать советская казна. Это было важной победой. Задача состояла теперь в том, чтобы полностью поставить Госбанк на службу революции.

* * *

В эти дни ЦК и Совнарком укрепляли финансовые органы новыми кадрами. Много тут сделал Я. М. Свердлов. Он знал, что один из старых большевиков, Д. М. Соловей, работал до революции в банковской системе. 16 ноября приказом по Министерству финансов за подписью Ленина, Менжинского, Бонч-Бруевича и Горбунова тов. Соловей был назначен исполняющим обязанности главного контролера Петроградской конторы Государственного банка. В это же время тов. Свердлов направил в Госбанк в качестве комиссара отдела заграничных операций Е. М. Соловей, члена партии с 1905 г., ранее работавшую в Сибирском банке⁵⁰.

17 ноября приказом Совнаркома по Министерству финансов вызванный из Москвы опытный финансист старый большевик Д. П. Боголепов был назначен помощником наркома по Министерству финансов и директором Департамента Государственного казначейства⁵¹.

Хотя комитеты саботажников в Госбанке и Казначействе 17-го вечером постановили продолжать забастовку, многие служащие 18 ноября стали приходить на работу. От них тут же требовали расписки в признании Советской власти. В противном случае они не допускались к работе.

Комиссар Госбанка развернул большую работу по вербовке военнослужащих, знакомых с банковским и конторско-бухгалтерским делом. Обращаясь с письмами к Главнокомандующему Петроградского Военного округа, Военно-революционному комитету, командирам отдельных частей, петроградскому коменданту, воинским начальникам, полковым комитетам, он добивался освобождения от воинской службы людей, необходимых Госбанку. Некоторые из них назначались комиссарами в важнейшие отделы. Так, например, писарь младшего разряда Главного военно-технического управления Л. Н. Александри стал комиссаром отдела кредитных билетов, военнослужащий В. Е. Егоров — комиссаром продовольственного отдела, солдат 8 мотоциклетного отделения Карл Барановский — комиссаром отдела личного состава⁵².

Уже 17 ноября отдел кредитных билетов стал работать полным ходом. В этот день с помощью счетчиков заделывались тюки с кредитными билетами для отправки в провинцию. Было запаковано билетов на сумму около 100 млн. руб. Заведование грифовальным отделением принял на себя старший счетчик П. В. Григорьев. Много помогла в налаживании дела в грифовальной Н. Ф. Стратилатова⁵³. Она обучила группу новичков, заменявших кассиров-саботажников. Главная касса тоже постепенно стала функционировать. С 18 ноября удалось пустить в ход отдел текущих счетов. Правда, контролеров еще не хватало. Однако ряду предприятий деньги по текущим счетам выдавались, если фабрично-заводские комитеты удостоверляли, что средства идут на зарплату⁵⁴.

Чтобы саботажники не мешали работе, тт. Менжинский и Оболенский издали приказ, согласно которому служащие Госбанка могли проходить в его помещение только по особым пропускам комиссара по охране банка.

⁴⁹ «Воспоминания о Ленине», сб., т. 2, М., 1957, стр. 72—73.

⁵⁰ «Известия», 19 ноября 1917 г. См. также ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4747; «Рассказывают участники Великого Октября», М., 1957, стр. 44—45.

⁵¹ «Известия», 19 ноября 1917 г.; см. также ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4753.

⁵² ЦГАОР и СС, ф. 2324, оп. 1, д. 70, лл. 1—18.

⁵³ Н. Ф. Стратилатова (Красикова), член КПСС с декабря 1917 г., ныне персональный пенсионер.

⁵⁴ «Правда», 4 декабря (21 ноября) и 6 декабря (23 ноября) 1917 г.

Таким образом, с 17 ноября Государственный банк на деле перешел в руки большевиков. Кончилась власть над ним подпольного Временного правительства. Никакие денежные ассигновки, подписанные бывшими министрами или их заместителями, ни в банке, ни в Казначействе уже не выполнялись⁵⁵. Руководить банком стал его подлинный хозяин — Советская власть.

Характерно, что в воскресенье 19 ноября на заседании Совнаркома впервые обсуждались вопросы, связанные с распределением денег через Госбанк. Комиссары банка уже могли обеспечить выполнение постановления Совнаркома.

23 ноября в «Правде» был напечатан первый отчет о состоянии оборотной кладовой Петроградской конторы Государственного банка с 16 до 20 ноября.

Военно-революционный комитет опубликовал в газете «Правда» обращение, в котором чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявлялись врагами народа, находящимися под общественным бойкотом. Обращение призывало Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, профессиональные союзы, кооперативы и все вообще народные организации установить над контрреволюционными чиновниками, подрывающим народную власть, бдительный и суровый надзор⁵⁶. 28 ноября в «Правде» вновь был напечатан отчет о работе главной кассы банка по 25 ноября.

Как самоотверженно работали большевики в Госбанке, показывает отрывок письма тов. Оболенского, написанного 23 ноября 1917 г. А. М. Шатерниковой:

«Я был так занят, что не мог в точном смысле слова ни минуты оторваться от банковских дел. Были дни, когда мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время распоряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. Мы занимаемся же очень-то почетным с виду делом — ломанием стачки чиновников банка и с каждым днем выигрываем почву. Теперь уж у меня куча помощников, и их (чиновников) дело проиграно в принципе, мы овладели банком»⁵⁷.

Жизнь в финансовых учреждениях с каждым днем становилась оживленней, несмотря на то, что чиновники продолжали саботаж. Бывшие служащие Госбанка по призыву своих контрреволюционных руководителей собрались в воскресенье 26 ноября в здании Фондовой биржи и постановили 28 ноября не начинать работы, забастовку продолжать. Такую установку дал им Союз союзов⁵⁸.

Ленинский декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции» и начавшиеся массовые аресты кадетов ударили по центру, который организовал и финансировал саботаж чиновников. После разгрома кадетского центра карающая рука революционной диктатуры обрушилась на все организации, которые были его производными ремнями. В ночь на 29 ноября был арестован стачечный комитет Союза союзов. Тогда же были взяты под арест и наиболее активные саботажники из Госбанка.

В конце ноября в банке была организована Военно-следственная комиссия под председательством заведующего отделом местных учреждений А. Вартапяна. Следственная комиссия Смольного выдала в распоряжение Вартапяна ордера на арест злостных саботажников.

До Военно-следственной комиссии Госбанка дошли сведения, что в кабинете директора Учетного ссудного банка Персии часто происходят сборища высших чиновников Министерства финансов. 1 декабря по ордерам, выписанным А. Вартапяном, в этом банке было арестовано 10 человек, собравшихся на совещание для разработки мероприятий по поддержке саботажников. Кроме того, в этот день было арестовано еще 11 служащих Госбанка и Учетного ссудного банка Персии. Все они были направлены в Следственную комиссию Смольного⁵⁹.

⁵⁵ Да и само подпольное «правительство», потеряв власть над банком и казначейством, по существу уже распалось. После того как члены этого «правительства» опубликовали свое воззвание 17 ноября, Военно-революционный комитет постановил арестовать всех подписавших воззвание и отправить в Кронштадт. Часть из них сбежала из Питера.

⁵⁶ «Правда», 8 декабря (25 ноября) 1917 г.

⁵⁷ Оригинал этого письма хранится у тов. Шатерниковой (член КПСС с 1917 г., ныне персональный пенсионер).

⁵⁸ «Грядущий день», 28 ноября 1917 г.

⁵⁹ ЦГАОР и СС, ф. 336, оп. 1, д. 8, лл. 1—12.

Для организации работы в Госбанке партия посылала все больше и больше новых кадров. Комиссары уже имелись почти во всех отделах⁶⁰.

Тов. Оболенский в своих воспоминаниях рассказывает о совместной работе комиссаров в налаживании всей работы банка. «Первые три недели все комиссары отделов собирались регулярно по вечерам на заседание в кабинет Управляющего. Каждый делал отчет о выполненных за день операциях, о недостатках в постановке дела, о необходимых изменениях в ней. Комиссары вновь открываемых отделов сообщали результаты своих «разведок». Таким образом все вводили друг друга в курс общей работы и помогали друг другу своим опытом и инициативой. В первые дни нашего пребывания в банке на таких заседаниях было 5—6 человек. Происходили они в Михайловской столовой за ужином, заменявшим обед. Через две недели в них участвовало уже не менее двадцати человек, позже — тридцать»⁶¹.

Промышленники, капиталисты, банкиры, торговцы старались выкачать из Госбанка все имевшиеся на их текущих счетах средства, боясь, что они будут конфискованы большевиками. Госбанк же выдавал деньги только в том случае, если фабрично-заводские комитеты подтверждали, что деньги идут на зарплату рабочим и на другие неотложные нужды. И большие и малые капиталисты стали заваливать Госбанк письмами с подписями и печатями различных фабкомов, месткомов, домовых комитетов, профсоюзных уполномоченных, удостоверяющих, что деньги нужны для выдачи зарплат. Комиссары банка видели, что здесь много было фальши, подделок, что капиталисты хотят как можно скорее получить «легальным» путем свои деньги с текущих счетов. Нужно было тщательно контролировать все эти документы, проверять подписи и печати, разоблачать мошенников.

Вот почему роль комиссара по контролю фабрично-заводских удостоверений М. П. Лебедева все усложнялась. Ему было дано в помощь три человека⁶². Чтобы дать тов. Лебедеву возможность более тщательно проверять документы, был установлен такой порядок: все клиенты, приходящие за деньгами, должны были в первый день пройти через его комнату на 1-ом этаже, и лишь на завтра с резолюцией Лебедева их пропускали в банк.

6 декабря в «Правде» было опубликовано обращение Госбанка ко всем фабрично-заводским комитетам, в котором говорилось: «Товарищи! Вы понимаете, что для того, чтобы контроль выдач денег из Государственного банка был правильно поставлен, необходимо, чтобы и вы приняли в нем самое живое участие. Не относитесь к этому равнодушно. Не дайте буржуазии вытаскивать из банка деньги на ее грязные делишки. Приложите все усилия к тому, чтобы ваш контроль был действительным контролем»⁶³.

В обращении предлагалось прислать в Государственный банк образцы оттисков печатей заводских комитетов и подписей председателей и секретарей комитетов. Дальше указывался порядок оформления документов на получение денег.

Отдел переводов не только осуществлял операции по частным вложениям. Деньги переводились уже по распоряжению народных комиссариатов их органам на местах.

Во второй половине ноября в Госбанке организовалась большевистская ячейка. Став центром политической жизни банка, парторганизация комплектовала его отделы новыми работниками, вела борьбу с саботажем и преступностью, слачивала служащих для успешного выполнения задач Советского правительства.

В конце ноября Госбанк посетил Владимир Ильич Ленин и вел беседу с комиссарами о мерах, необходимых для быстрой ликвидации саботажа чиновников и упорядочения работы Госбанка.

Вот как описывает это посещение главный контролер Госбанка Д. М. Соловей: «Владимир Ильич собрал руководящих работников банка, выяснял ход работы, способы преодоления трудностей из-за саботажа, вопросы снабжения деньгами рабочих

⁶⁰ Комиссары были утверждены приказом по Петроградской конторе Государственного банка за подписью Предсовнаркома В. Ульянова (Ленина), В. Менжинского и других («Известия», 4 января 1918 г.).

⁶¹ «Экономическая жизнь», 6 ноября 1918 г.

⁶² Помощниками комиссара были Н. Д. Петров, К. П. Кустов и Ф. Ф. Тюнер (ЦГАОР и СС, ф. 2324, оп. 1, д. 72, л. 55).

⁶³ «Правда», 19 (6) декабря 1917 г.

фабрик и заводов, отношение старых чиновников к проводимой работе в Госбанке, реагирование клиентуры на работу Госбанка и т. д. После подробного ознакомления с положением дела Владимир Ильич дал ряд советов, указаний и уехал в Смольный.

Посещение Владимиром Ильичем Госбанка, его беседы с руководящими банковскими работниками, его направляющие работу указания подняли настроение всего состава сотрудников банка и значительно укрепили операции банка и правильные взаимоотношения с клиентурой»⁶⁴.

5 декабря на первом заседании ВСНХ было сообщено, что штат чиновников банка превысил уже 400 человек, что работают почти все отделы, что за последние три недели в провинциальные отделения Госбанка и в полевые казначейства отправлено около 1 млрд. руб.⁶⁵.

15 декабря новые служащие Госбанка (которых уже насчитывалось 500 человек) на общем собрании избрали Комитет служащих. Председателем его стал А. А. Вартамян⁶⁶.

Надежды руководителей саботажа на Учредительное собрание провалились. После его разгона в начале января 1918 г. масса служащих во всех министерствах стала возвращаться на работу. Саботаж госбанковских чиновников был окончательно сломлен.

Госбанк в руках большевиков стал не только центром, который удовлетворял все денежные нужды правительства. Советская власть получила возможность руководить таким важным делом, как выпуск бумажных денег. Большевики, овладев Госбанком, поставили его на службу делу победившего пролетариата. Они навели в нем социалистический порядок, ликвидировали операции, свойственные спекулятивному миру капитализма, например, операции с процентными бумагами, акциями, ссуды под векселя, учет векселей т. п. Первостепенное значение получили текущие счета предприятий и кредитование их. Пролетарское государство могло теперь планомерно финансировать промышленность и торговлю, помогая органам рабочего контроля следить за тем, чтобы деньги не уплывали в карманы промышленников, а шли на нужды производства.

К этому времени многие фабриканты отказались признавать рабочий контроль и саботировали работу на предприятиях. Такие предприятия декретами Совнаркома национализировались, объявлялись «собственностью Российской республики». Госбанк получил возможность их финансировать.

Частные же банки, связанные с огромным количеством предприятий, стали туго затягивать мешки с деньгами, оставляя фабрики и заводы без оборотных средств. Таким образом они превращались в дезорганизаторов производства. Назрела пора национализировать частные банки и слить их с Госбанком.

Сигналы большевиков из частных банков говорили о том, что с этим делом надо спешить. И с первых чисел декабря началась активная подготовка к национализации. Борьба за овладение частными банками была еще более напряженной, чем борьба за Госбанк. Она потребовала новых огромных усилий со стороны большевистской партии и Советского правительства.

* * *

Тов. Хрущев, выступая в ноябре 1958 г. на митинге рабочих Балтийского завода в Ленинграде при встрече с польской делегацией, говорил: «Наши польские друзья в выигрышном положении, они строят социализм не одни... Нам, советскому народу, было труднее... У нас... не было обученной армии, не было опыта управления государством, не было кадров своей интеллигенции. Более того, многие люди из старой интеллигенции, как говорится, волком смотрели на то, что совершалось тогда в России. Рабочие, трудящиеся нашей страны, взявшие власть в свои руки, не убоялись трудностей, не сдались врагу. Они мужественно преодолели все трудности...»⁶⁷.

⁶⁴ Эта выдержка взята из стенограммы беседы заведующего ЦПА ИМЛ тов. П. Б. Жибарева с Д. М. Соловей 3 июля 1946 г. Стенограмму любезно предоставила в распоряжение автора вдова Д. М. Соловей — Е. М. Соловей.

⁶⁵ «Правда», 19 (6) декабря 1917 г.

⁶⁶ «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 342.

⁶⁷ «Правда», 4 ноября 1958 г.

Насколько правдивы эти слова Первого секретаря ЦК нашей партии, какие огромные трудности пришлось преодолевать советскому народу после победы в Октябре 1917 г., можно судить хотя бы по тому, в каких условиях большевикам приходилось овладевать управлением Государственного банка, чтобы поставить его на службу пролетарской революции.

